

Ананьева Е.П.

УДК 123.241

РОЛЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПРАГМАТИЗМА В РАЗВИТИИ ПРИНЦИПА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью решения ряда вопросов теоретико-методологического характера, связанных с философским обоснованием принципа толерантности. Развитие идеи толерантности наряду с социальными феноменами, а также процессами, которые происходят в религиозно-церковной сфере, имеет в своей основе концепцию гуманистического прагматизма. С принципом толерантности пересекаются такие положения философии прагматизма, как установление промежуточного характера истины, натурализм и психологизм, определение пределов пластического характера реальности и изучение особенностей реакции человека на изменения данной реальности.

Автор поставил себе **целью** выяснить, как влияли и продолжают влиять тезисы гуманистического прагматизма относительно пластичности и гибкости теорий и утверждений и их способности быть инструментом достижения цели, которую можно менять, варьировать и трансформировать на формирование толерантных отношений в современном мире.

Стремясь достичь цели исследования, автор решал следующие частные **задачи**: проанализировать феномен толерантности, отраженный в современных глобализационных тенденциях; рассмотреть концепцию гуманистического прагматизма относительно теории истины и ее изменчивости, вопросов методологии, проблем освещения истории; определить место основных тезисов прагматизма в системе принципа толерантности в современном мире.

Процессы глобализации, которые способствуют устранению барьеров в международной политической, экономической, культурной деятельности, интенсивный информационный обмен не позволяют оставаться в стороне от происходящего в мире. Весьма актуальным в этой связи представляется приобщение к национальным, интернациональным и общечеловеческим ценностям, так как только в своем единстве они способны обеспечить гармонизацию отношений. Единственно возможной, оптимальной формой взаимоотношений между представителями государств с различным общественно-политическим и социально-экономическим устройством становятся международная консолидация и сотрудничество, взаимное уважение, принятие и терпимость.

Принцип толерантности в связи с этим представляется фактором нормального функционирования гражданского общества. Воспитание толерантных начал в поликультурном обществе выдвигается на первый план. Этот процесс носит многоплановый характер в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиментальности современного сообщества.

Толерантность проявляется в различных формах: так, например, существует политическая, экономическая, этническая, расовая, религиозная, культурная толерантность. Однако любая форма толерантности в отношении людей, которые различаются своими убеждениями, верованиями и взглядами, требует понимания того, что истина не может быть однозначной и простой, что она многолика, а формы ее проявления многообразны. Данное обстоятельство предполагает наличие способности к социальному смирению, готовности вести цивилизованный диалог с целью поиска того, что объединяет людей, имеющих различное мировоззрение, а не абсолютизации своих личных мировоззренческих убеждений. При этом нужно признать, что во всех мировоззренческих системах существуют универсальные принципы человеческих взаимоотношений, основанные на толерантности как норме человеческого бытия. [2]

В истории социально-философской мысли особое значение для развития идеи толерантности имела концепция гуманистического прагматизма. Прагматизм – философское течение, базирующееся на практике как критерии истины и смысловой значимости. Его происхождение связывают с именем американского философа XIX века Чарльза Пирса, который первым сформулировал «максиму» прагматизма. Далее прагматизм развивался в трудах Уильяма Джемса, Джона Дьюи и Джорджа Сантаяны. Внимание к прагматизму существенно выросло во второй половине XX века с появлением новой философской школы, которая сосредоточилась на критике логического позитивизма, опираясь на собственную версию прагматизма. Это были философы-аналитики, Уиллард Куайн, Уилфрид Селларс и др. Их концепция была затем развита Ричардом Рорти, позже перешедшим на позиции континентальной философии. Современный философский прагматизм после этого разделился на аналитическое и релятивистское направления. Кроме них существует также неоклассическое направление, в частности, представленное работами Сьюзан Хаак. [1]

Ранний прагматизм находился под сильным влиянием дарвинизма. Аналогичного образа мышления ранее придерживался А. Шопенгауэр: идеалистическое представление о действительности, полезное для организма, может сильно отличаться от самой действительности. [1] Прагматизм, однако, уходит от этой идеалистической концепции, разделяя познание и прочие действия на две независимые сферы деятельности. Поэтому прагматизм признает существование абсолютной и трансцендентной истины над познавательной деятельностью, которая стоит за действиями организма по поддержанию своей жизни. Понятия «реальное» и «истинное» в этом аспекте считаются терминами процесса познания и не имеют смысла вне этого процесса. Прагматизм, следовательно, признает существование объективной реальности, хотя и не в обычном строгом смысле этого слова.

В основе прагматизма лежит следующая максима: «Примем во внимание, какой практический эффект может быть связан с данным объектом, и наше понимание этого объекта будет состоять в совокупности

наших знаний о его практических приложениях»[1]. Прагматист исходит из основной предпосылки о способности человека теоретизировать, что является неотъемлемой частью его интеллектуальной практики. Теория и практика не противопоставляются как разные сферы деятельности; напротив, теория и анализ являются инструментами для поиска правильного пути в жизни. Теория – это абстрактное представление непосредственного опыта и, в свою очередь, непременно должна обогащать опыт своей информацией.

Особое значение для понимания методологических основ принципа толерантности имеет концепция истины в прагматизме. По У. Джемсу, высказанная истина не является окончательной, мы вместе с объективной реальностью «создаём» истины.[7] Отсюда следуют две ее особенности: 1) истина изменчива и 2) истина зависит от концептуальной схемы, в которую мы ее помещаем. Среди философов-прагматистов нет единого мнения о том, могут ли верования из истинных превращаться в ложные и наоборот. Для У. Джемса верования не являются истинными до тех пор, пока они не подтверждены в процессе верификации. Он считал, что предположения становятся истиной, если они в течение длительного времени доказывают свою полезность для конкретной личности. Противоположный процесс не является фальсификацией, просто вера выбывает из употребления.

Ч. Пирс не был согласен с тем, что одно и то же утверждение может быть истинным для одного человека и ложным для другого. По Ч. Пирсу, истина есть конечный результат (а не любой промежуточный результат) исследования некоторым сообществом (обычно научным).[4]

Д. Дьюи в целом соглашался с определением Ч. Пирса, но также характеризовал истину как некоторую ценность. Если нечто истинно, то это одновременно означает, что оно надежно, и на истину можно всегда положиться, так как она не меняется в зависимости от ситуации. Как Ч. Пирс, так и Д. Дьюи связывали определение истины с гарантированной проверяемостью. [7]

Х. Патнем также развивал идею идеального эпистемологического оправдания истины. О взглядах У. Джемса и Ф. Шиллера он заявлял: «Истина не может быть просто разумно приемлемой по одной основной причине: предполагается, что она является частью утверждения, которое не может быть ложным, в то время как оправданность со временем может быть утрачена. Заявление «Земля – плоская», возможно, было приемлемым 3000 лет назад, но в наше время оно неприемлемо. Кроме того, нельзя сказать, что 3000 лет назад Земля БЫЛА плоской, т.к. она не меняла своей формы»[1].

Точно так же вызывает разногласия идея о зависимости истины от принятой концепции. У. Джемс и Ф. Шиллер утверждали, что мы делаем истину в процессе верификации, с чем другие философы-прагматисты не соглашались. Но практически все они согласны в том, что истина может быть выражена только в рамках некоторой концепции, вне которой она теряет смысл. [6]

Философы-прагматисты стремились реформировать философию, привнес в нее научный метод. Для понимания идеи толерантности особое значение имеют натурализм и психологизм, развиваемые в рамках гуманистического прагматизма. Прагматисты критикуют как материалистов, так и идеалистов за попытки представить человеческое знание как нечто большее, чем может дать наука. Первых прагматисты осуждают за априоризм, а вторых – за то, что соответствие принимается за факт, не подвергаемый анализу. Прагматисты вместо этого стремятся объяснить, преимущественно психологически и биологически, как соотносятся между собой субъект и объект познания, и как это соотношение сказывается на реальности.

Ч. Пирс в работе «Исправление веры» (1877 г.) отрицал роль интроспекции и интуиции в философском исследовании. Он считал, что интуиция может привести к ошибкам в рассуждениях. Интроспекция также не создает доступа к работе ума, поскольку «Я» – это концепция, производная от наших отношений с окружающим миром, а не наоборот. К 1903 г. он также пришел к выводу, что прагматизм и эпистемология не являются производными от психологии, а то, что мы на самом деле думаем, отличается от того, что мы должны думать. [4]

В рамках исследования основ идеи толерантности особое место занимает мысль о том, что любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая последующую замену на лучшую интерпретацию. Это положение получило название «принципа фаллибилизма», который явно пересекается с исследуемым принципом толерантности. Понятие «фаллибилизм» было разработано Чарльзом Пирсом, который утверждал, что в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, есть точка в континууме недостоверности и неопределенности. [4]

Прагматизм, в основе которого также лежит сомнение в достоверности человеческого знания, лежит вполне в русле старой традиции скептицизма. Антискептицизм возник в философском научном сообществе как реакция на учение Декарта о том, что основой философского исследования является сомнение. Тем не менее, Х. Патнем считает, что основной задачей американского прагматизма является примирение антискептицизма и фаллибилизма. Хотя все человеческое знание неполно, совсем не обязательно становиться на позиции глобального скептицизма. Сомнение, как и вера, должно быть оправданным. Оно происходит вследствие столкновения с некоторыми упрямыми фактами бытия (которые Дьюи называл «ситуацией»), подрывающими нашу веру в существующее положение вещей. Исследование поэтому становится рационально самоконтролируемым процессом возвращения к пониманию ситуации или, по крайней мере, попыткой вновь поверить в то, что такое понимание достигнуто. [6]

Огромное значение для понимания принципа толерантности имеет методологическое применение прагматизма в историографии. Когда говорят о прагматической истории, обыкновенно имеют в виду одно из трёх: или чисто политическое содержание истории (государственные дела), или способ исторического изложения (установление причинной связи), или, наконец, цель исторического изображения (поучение).

Центральным пунктом прагматизма можно считать изображение именно человеческих действий в истории, хотя бы и не исключительно политических и не ради поучения, но такое, в котором исследуются прежде всего их причины и следствия, то есть мотивы и цели действующих лиц. В этом смысле прагматическая история отличается от культурной, которая занимается не событиями, складывающимися из человеческих деяний, а состояниями общества в материальном, умственном, нравственном и общественном отношениях. При этом культурная история связывает между собой отдельные факты не как причины и следствия, а как различные фазисы в развитии той или другой формы. С этой точки зрения исторические факты могут быть разделены на прагматические (события и человеческие поступки, их составляющие) и культурные (состояния общества и формы быта), и историческая связь может быть либо прагматическая (причинная), либо эволюционная.

Согласно с таким пониманием, прагматизмом в истории следует называть исследование или изображение причинной связи, существующей между отдельными поступками отдельных исторических деятелей или между целыми событиями, в которых действующими лицами являются не только единицы, но и целые группы, например, политические партии, общественные классы, целые государства и т. п.

Прагматизм интересуется действующей в истории личностью, её мотивами и намерениями, её характером и страстями, одним словом, её психологией, которая должна объяснять её поступки: это – психологическая мотивация исторических событий.

Теория прагматической истории должна была бы исследовать, как порождаются одни события другими, вызываясь разными переменами в волевой сфере действующих лиц под влиянием действия на них тех или иных событий, которые сами суть лишь какие-либо поступки. Прагматическая история отличается от последовательной именно проникновением во внутренний мир людей, с целью не только рассказать событие, но и представить его воздействию на мысли и чувства современников, а также показать, как само оно сделалось необходимым ввиду существования у людей, его совершивших, тех или иных мотивов и намерений. [7]

Прагматизм как явление возник естественно в процессе философских размышлений о понятных, знакомых и жизненно важных проблемах. Главная сила прагматизма находилась в том, что он был адресован, прежде всего, рядовому человеку. Это была одна из самых философских теорий конца XIX в., идеи которой продолжают влиять на развитие философии и многих других областей знания и сегодня.

Общая направленность прагматизма заключалась в попытке показать объем и пределы пластического характера реальности и особенности реакции человека на проявления ее изменения. Согласно этой обобщающей концепции прагматизм анализирует практические возможности употребления знания, определяя его как способ или инструмент адаптации и контроля. Признавая изменчивость и активность (действие) за неперемнное свойство жизни, гуманистические прагматисты искали методы, с помощью которых можно направлять процесс познания на создание пользы, как для общества, так и для отдельного человека. Поэтому они критиковали идеи, в которых изменчивость и действие понимались на самом низком уровне иерархии ценностей. У. Джеймс подчеркивал, что все установленные структуры интеллектуальной деятельности основаны на волевой активности, на проявлении воли, в его терминологии «воле верить». [3]

В изменчивости реальности человек создает и находит новое знание. Он должен сделать выбор и остановиться на том, который, в случае его осуществления, обещает успех и процветание. Эти соображения легли в основу волюнтаристской теории знания Ф. Шиллера, суть которой состоит в том, что для получения любого знания нужны воля и вера в то, что это знание представляет интерес для того, кто желает его получить. Он основывался на утверждении У. Джеймса, что вера в факт может помочь создать этот факт. Вместе с Джеймсом Шиллер доказывал, что это возможно только в плюралистическом и открытом мире, где человек сможет раскрыть свою сущность. Исходя из этого тезиса, Шиллер предложил рассматривать прагматизм как один из признаков гуманистического метода познания мира [4].

Прагматизм вызвал широкий резонанс во всем мире, однако его сильнейшее влияние, естественно, ощущалось в Америке. Главный тезис прагматизма относительно пластичности и гибкости теорий и утверждений и их способности быть инструментом достижения цели, которую можно менять, варьировать и трансформировать когда надо, была привлекательна для многих интеллектуалов.

В странах Европы прагматизм не получил такого признания, как в Америке. В Англии его ярким и верным сторонником был Ф. Шиллер. Считая прагматизм одним из выражений гуманизма, он разрабатывал свои теории, исходя из реальности личных качеств и содержания концептуальных систем человека.

Идеи прагматизма вызвали живой интерес в России. Новизна прагматических идей была неоднозначно воспринята в России и оценена в основном негативно. Идеи прагматизма не получили большой поддержки русской интеллигенции. В дальнейшем по многим причинам идеи прагматизма не только не разрабатывались, но и были почти изъяты из университетских программ. [1]

Судьба прагматического учения сложилась необычно в Болгарии. Судя по имеющейся литературе, в Болгарии был только один человек, Иван Саралиев (1887-1969), научные интересы которого были связаны с прагматизмом. И. Саралиев описывал прагматизм как новое учение об истине и отмечал, что после смерти главных представителей прагматизма Пирса, Джеймса и Шиллера, а также их главного оппонента Фрэнсиса Брэдли интерес к этой теории медленно исчезал. Тем более примечательно появление книги И. Саралиева о прагматизме. Во всех своих трудах он рассуждал о том, как достичь ясности выражения значения. Он основывал свои рассуждения на том, что мнение не должно заключаться в «монастырь одного сознания»; напротив, его нужно выпустить на улицу, чтобы оно боролось с другими мыслями ради своей правоты. Саралиев был уверен, что современная жизнь определяется некой глобальной мыслью, а не физической причинностью. Согласно его теории, человек существует в гигантской «предмысли», которая ведет и

направляет его. Человек живет и действует в соответствии с правилами и законами этой гигантской мысли. Она имеет гораздо большее значение, чем физические законы. Ее законы и правила не противоречат современной науке, напротив, они дополняют и доказывают ценность научных исследований. [1]

В Соединенных Штатах в 40-х годах прошлого века прагматизм был своеобразной официальной философией. Но после Второй мировой войны американская философия, литературная критика и вся американская культура научились обходиться без прагматизма. Концепции и постулаты прагматизма забыли и в Европе, пока он не начал возрождаться снова в конце XX столетия.

Начавшиеся изменения в Европе и мире, связанные с построением ряда независимых государств в конце прошлого века, и общей трансформацией общественных отношений, выдвинули на авансцену современного общественного развития проблему толерантности, которая до начала активных демократических преобразований находилась на периферии общественного и научного сознания. Возрождающиеся идеи прагматизма нашли свое применение в формировании концепции толерантных отношений между развивающимися сообществами.

Главные преимущества прагматизма, а именно:

- ассоциирование понятия «добра» с понятиями «истинности» и «полезности»;
- отрицание абсолютной истины;
- тезис прагматизма о пластичности и изменчивости действительности;
- предположение, о том, что человек существует в гигантской «предмысли», которая ведет и направляет его;
- признание наличия плюралистического и открытого мира для раскрытия сущности человека;
- рассмотрение прагматизма как одного из признаков гуманистического метода познания мира, легли в основу современного принципа толерантности.

Экстраполируя главные постулаты прагматизма на современное представление о толерантных отношениях, к основным критериям принципа толерантности можно отнести:

1) социальную активность, которая объединяет коммуникабельность, автономность поведения, правильную социальную самоидентификацию, социальную адаптированность, креативность, социальный оптимизм, инициативность;

2) социально-психологическую мобильность, т.е. отсутствие стереотипов, предрассудков, гибкость, критичность мышления;

3) социальную эмпатию, которая включает эмоциональную стабильность, доброжелательность, вежливость, терпение, социальную ответственность, возможность социальной релаксации;

4) дивергентность мышления, т.е. способность чувствовать партнера, высокий уровень сопереживания, учтивость, экстравертность, способность к рефлексии.

Современному обществу присуще стремление к свободе, плюрализму во мнениях, мирному решению проблем. История показывает, что неприятие чуждого мировоззрения зачастую являлось причиной кровавых войн. Мировоззренческая идентичность, т.е. осознание своей уникальности – свойство, присущее любому сообществу. Однако чрезмерная привязанность к собственной уникальности ведет к столкновениям на этической, национальной, этно-религиозной почве, непониманию и раздробленности в обществе. Разрешение этой проблемы человечество видит в становлении толерантных отношений, которые имеют в своей основе гуманистические и прагматические принципы. [5]

Формирование толерантного сознания – длительный и достаточно сложный процесс, так как он предполагает ломку стереотипов, выработку способности терпимо и уважительно относиться к чужой культуре, обычаям, традициям. Мировая общественная практика свидетельствует о том, что только реальное равенство в правах, суверенность, сплоченность при последовательном учете национальных, религиозных и интеллектуальных чувств может урегулировать большое количество очагов напряженности, которые возникают на почве мировоззренческого противостояния как между различными странами, так и внутри отдельных государств. При этом величайшая терпеливость в установлении промежуточного характера истины, относительная гибкость теорий и утверждений, принятие их способности быть инструментом достижения цели, которую можно менять, варьировать и трансформировать, а также натурализм и психологизм в понимании принципа толерантности, высказанные в идеях гуманистического прагматизма, будут способствовать установлению отношений нового типа между народами.

Источники и литература:

1. Богомолов А. С. Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма / А. С. Богомолов. – М., 1964. – С. 25-89.
2. Декларация принципов толерантности, утв. резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.tolerance.ru > declar.html](http://www.tolerance.ru/declar.html).
3. Кирюшенко В. Язык и знак в прагматизме / В. Кирюшенко. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008. – 199 с.
4. Мельвиль Ю. К. Конфликт науки и религии в философии Ч. Пирса / Ю. К. Мельвиль // Вопросы философии. – 1964. – № 9. – С. 88-98.
5. Тарасенко В. Социальная идентификация украинского общества / В. Тарасенко, Д. Иваненко // Общественная трансформация: концептуализация, тенденции, украинский опыт. – К., 2004. – С. 175.
6. Хилл Т. И. Современные теории познания / Т. И. Хилл; общ. ред. и предисл. Б. Э. Быховского; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1965. – 533 с.
7. Morris Ch. W. The pragmatic movement in American philosophy / Ch. W. Morris. – N. Y., 1970. – P. 110-122.